

СОЛДАТСКИЙ ПОРТРЕТЪ*.

Былъ себѣ когда-то какой-то маляръ. Таки вотъ на умѣ мотается какъ его звали, да не припомню! Ну, даромъ; маляръ, да и только. И что за дѣла былъ! Лѣшій его знаетъ, какъ ладно писалъ! Можетъ стать-ся вы, братцы, читая, либо слушая сказку эту, подумаете, что онъ такъ себѣ малевалъ, просто, какъ ни попало, что только разбалтаетъ краску, алую, малиновую, либо желтую, да такъ просто и мажетъ столъ, либо сундукъ, что ли? О, нѣтъ, погодите! таки что не увидить, такъ съ него портретъ и удереть; хоть бы тебѣ ведро, либо свинья, чтоли, таки точнѣхонько оно и есть! А еще, бывало, какъ намажетъ

* Одна изъ повѣстей Грицька Основьяненка. Повѣсти эти со временемъ безъ сомнѣнiя будутъ оцѣнены по достоинству; понынѣ, кажется, Украинское нарѣчiе, на которомъ они написаны, пугало нашихъ читателей и читательницъ. А жалъ; очень не много такихъ вещей написано у насъ и по Русски. Переводъ—всегда только тѣнь подлинника; переводъ народной Украинской повѣсти на Русскiй языкъ—менѣе полутѣни. Я желаю только возбудить, хотя въ немногихъ, охоту—прочестъ подлинникъ—вотъ почему рѣшился я на переводъ. Я увѣрился по опыту, что всякій, кто потрудится прочесть двѣ страницы повѣстей Основьяненка, съ помощiю человека знающаго Украинское нарѣчiе, третiю страницу будетъ уже понимать самъ.

что нибудь, да и подпишетъ, — а былъ онъ и письменный — что это-де не арбузь, а слива, такъ уже живёхонька она и есть. Разъ — о, да смѣхузь было! ребята смѣются животы надсадили — списалъ онъ таки вотъ нашего пономаря Никиты кобылу: да какъ же живо удралъ, такъ это дѣло диковинное! ну, намалевавши, да и говорить намъ: глядите-ка ребята что за проказы будутъ! а мы говоримъ: а ну, ну, что тамъ будетъ? А онъ говорить: идите - тка за мною, да несите портретъ понамаревоѣ кобылы*. Вотъ мы и взяли его, да и понесли, да по приказанію маляра нашего и поставили супротивъ понамареваго двора, на подпоркахъ. Таки вотъ точнёхонько она и есть! и на одинъ глазъ крива, и хвостъ оборванъ, и ребра наружу вылезли, да еще и голову повѣсила, словно пасется! Вотъ, поставивши ее, сами и присѣли подъ тыномъ, въ бурьянахъ, и ждемъ пономаря, а сами жмемъ, да силимъ, чтобы только не хохотать. Глядь—идетъ нашъ Никита, да еще, никакъ, и въ головѣ маленько было: идетъ, да себѣ подъ носъ бормочетъ, да распѣваетъ. А тамъ и увидалъ кобылу, да и говорить: «что за ледащій этотъ Ефремъ—а его батрака звали Ефремомъ—кобыла, говорить, сошла ночью со двора, а ему и нужды мало! когда бы хоть мнѣ ее поймать!» а самъ распоясаясь, взялъ кушакъ, завязалъ петлю, да и сталъ подкрадываться, а самъ знай чмокаетъ, да приговариваетъ: *птрусё, рлба, птрус!* да подошедши

* Небольшія отступленія отъ подлинника я вынужденъ былъ допустить, по причинамъ, отъ переводчика и писателя независящимъ.

вплоть, какъ закинетъ ей на шею петлю, какъ закричитъ: *ппру!* какъ потянетъ ее къ себѣ, а кобыла и повалилась, а мы такъ и покатались со смѣху, да давай Богъ ноги! А понамарь Никита и отстался; стоитъ, какъ укопанный, руки и ноги одеревѣли, самъ ни съ мѣста; а кобыла лежитъ перелезъ нимъ вверхъ ногами; подпорки, видите, не удержали, какъ потянулъ онъ ее къ себѣ, чтобы не ушла; да уже послѣ самъ сказывалъ, что и долгобъ стоялъ, да понамариха увидала, да и та не знала, что съ нимъ дѣлать; и водою spryskivala, и отдувала, да на силу на силу съ мѣста свела, да въ избу спроводила; такъ, говорить, всю ночь трясушка была его, да кобыла все въ очи лѣзла; анъ-да поколѣ не напился шалфею!

Такъ вотъ какой у насъ былъ непутный маляръ; да, да, да! теперь вотъ только вспомнилъ какъ его звали: Кузьмоу, а по батюшкѣ Трофимовичемъ. Какъ теперь на него гляжу: въ синемъ камзолѣ, въ крашенннхъ широкихъ шароварахъ, палатянковымъ поясомъ брюхо подпоясано, а сверху китайчатый кафтанчикъ; на шеѣ, по бѣлому вороту, бумажный красный платокъ, конѣвы сапоги, съ подковами; волосы черные, подъ чубъ подстриженные, а усы рыжеватые, густые, да длинные; не больно часто брился, видите, такъ борода всегда какъ щетка была; вина—не употреблялъ, такъ чтобы черезъ край; а коли съ пріятелями, въ компаніи гдѣ трафилося, такъ таки не проливалъ его; ладно бывало поетъ на крылосѣ и *гласы* знаетъ; частенько, бывало, объ него спо-

тыкался таки вотъ и *панъ Афанасій*, дьякъ нашъ; только ужь окаянный табакъ этотъ, такъ нюхаль, что не то что! хлѣба святаго ѣсть не станетъ, а безъ погани этой жить не можетъ! былъ себѣ и дорожень, и пузатъ порядкомъ; а родомъ, коли кто слышалъ, изъ Борисовки, Курской губерніи. Въ той-то слободѣ, живутъ наилучшіе богомазы, иконописцы, и всякіе живописцы и маляры, такъ и онъ-то, Кузьма Трофимовичъ нашъ, былъ родомъ оттолъ; а у насъ на селѣ, красилъ новую звонницу, колокольную. И таки некуда правды дѣвать, ужь никто лучше ни намажетъ, ни размажетъ, какъ богомазъ изъ Борисовки; ужь не жалко и денегъ. Коли жъ *Москаль*, Русской, возьмется за это дѣло—ну, тогда только почешись, да и отойди. И торгуется, и запрашиваетъ, и корми его еще; и хлѣба ему дай и денегъ вволю—а ужь какъ свахлещетъ—такъ ну, ну, ну! ты ему толкуй: *блакитна*, голубая, а онъ знай свое: «*синя-ста*», ты ему: *негодится*; а онъ почесывается, да опять таки свое неситъ: «*нигаво-ста, для хохловъ и это бряде!*» тьфу, на ихъ голову!

Такъ про того-то Кузьму Трофимовича посылалъ какой-то баринъ, смертный охотникъ до огородовъ. Такъ, вишь, бѣда; воробьи каждое лѣто выключаютъ все, что ни посѣтъ. Вотъ онъ и позвалъ Кузьму Трофимовича, да и подрядилъ его, списать ему солдата, да чтобы такой былъ какъ живой, чтобы и воробьи боялись; а коли какая фальшь будетъ, такъ прикину, говорить, тебѣ. Вотъ и сторговались за десять рублей деньгами, да за осьмуху вина. И

намалеваль же онъ ему солдата—да еще и какъ! что яжь вамъ говорю, и живой не будетъ такой поганый, какъ этотъ писанный! ширококорой, мордастый, да еще и съ преогромными усами, такъ, что не только воробью, да и человѣку взглянуть страшно. Мундиръ на немъ лихой, на всѣ пуговицы застегнуть, такъ и горить; а ружье? такъ погибель его знаетъ, какъ живо написано! Вотъ таки того и гляди что выстрѣлить! даже приступить страшно! А только заглядись на него, такъ вотъ, кажется, ужъ и шевелится—и усомъ моргаетъ, и глазами водить и руками дергаетъ и ногами дрягаетъ—такъ и думается: вотъ побѣжалъ за тобою, вотъ бить станеть, бить! такъ-то живо былъ онъ написанъ!

Ну, намалевавши солдата, Кузьма Трофимовичъ и думаетъ: можетъ-статься не 'угожу еще на барича своего—тогда пропали и деньги и работа; повезу-ка я солдата своего куда нибудь на ярмарку, поставлю на базаръ, да и буду слушать, что стануть говорить люди; пока будутъ бояться да пугаться его—такъ ступай смѣло Кузьма, бери деньги; колижь это кому не покажется, скажутъ не ладно, такъ стану еще подправлять, поколя не покончу.

Собрался нашъ Кузьма Трофимовичъ, да и повезъ своего солдата, коли кто слышалъ, анъ-да въ Липцы. Вотъ, въ самую глухую полночь когда еще всѣ спали по тельгамъ своимъ, а хозяева по избамъ и въ шинкахъ народъ уже разошелся и огонь погасили, Трофимовичъ и поставилъ портретъ свой на самой

армаркѣ, и подперъ его стойками, еще лучше понамарской кобылы, чтобы вѣтеръ не свалилъ, либо какой пьяный подшатнувшись, или свинья, какъ слоняясь по базару придетъ поскрестись да почесаться, чтобъ не свалили; а самъ, раскинувъ да растянувъ рядно, присѣлъ подъ нимъ, чтобъ прислушиваться, что народъ говорить станетъ про его солдата; да тутъ-же наклалъ и красокъ на палитру; коли, говорить, что не ладно, такъ и подправлю. Снарядившись со всѣмъ, присѣлъ, повѣсилъ голову, да и задремалъ маленько, покуда еще тамъ до чего дойдетъ.

Ангъ вотъ и заря зарѣлась. Еще не всѣ и звѣздки потухли, а Кузьма Трофимовичъ уже и вскочилъ; понюхалъ табаку, прочихался, протеръ очи полою — а ужъ тутъ некогда было еще по воду итти, чтобъ умыться — подпоясался снова, притянулъ кушакъ и оправился хорошенько, насунулъ шапку на самый носъ, да и рукавицы досталъ, потому, что это, знаете, было *о первыхъ пятинкахъ* (*), такъ зори были холодныя, да и сѣлъ себѣ подъ рядномъ своимъ, чтобъ прислушиваться.

Напередъ всего огонекъ блеснулъ въ кабакъ. Ай, ай! да уже и въ Липцахъ завелись кабаки какъ — помилуй Богъ — въ Россіи! отколь же это взялось? Община насъ такъ прикрутила, чтобы, видите, откупщикъ за насъ, коли сами не сможемъ, вносилъ подушное. И взялся таки — да не изъ настоящихъ от-

(*) Около половины октября.

купщиковъ, а—нечего грѣха таить—нашелся одинъ изъ нашихъ, крещеныхъ людей, что вступилъ въ нихъ Московское повѣрье и обычай, да взялся, какъ предатель Иуда, держать на откупѣ и Лишцы и другія слободы, на Московскій ладъ! И уже у нихъ пенинокъ называется, а кабакъ; и тамъ уже вся *Московская* натура и тамъ же все *москаль* на голо, какъ въ Турчинѣ все Турки. Да все, слышь, народъ проворный: не доѣсть, не доспить, все только и дѣлаешь и гадаешь, чтобы заработать копейку. Такаа, вишь, у нихъ уже *Московская поведенція!* А ужъ какъ нашего брата, хоть бы и въ кабакъ, надуваютъ — такъ ну, ну! ты, на примѣръ, пришелъ вотъ съ посудинкою, чтобъ купить себѣ, для хозяйства, на сколько надо вина; да хоть мало мальски заслушайся только, либо зазѣвайся, такъ уже и не дольстъ полной мѣры, да проворнѣй и выльстъ въ твою посуду; тутъ ты, хоть споръ съ нимъ, хоть бранись, а ужъ онъ выпроводить тебя—пошелъ, да и только! Колижъ тутъ хочешь выпить, то, будто и добрый, зачерпнетъ тебѣ за гривну таки полнехонькую — тутъ станешь усы разглаживать, да утираться, да почмокаешь и собираешься какъ бы хорошенько на тощакъ выпить; да только что руку поднялъ, не успѣлъ еще и до рту донести, какъ—врагъ его знаетъ отколѣ москаленокъ этотъ у діавола возьмется, таки будто тотъ что... крестная съ нами сила!... подбѣжить, подтолкнетъ — плюсь! больше половины чарки назадъ, такъ и выплеснетъ: бѣда, да и только; пьешь скорѣе, а то цѣловальникъ станетъ еще и чарку отнимать! Выпилъ, такъ чтоже? какъ говоритса: по

бородъ текло, а въ ротъ не пошло; а и не говори уже, чтобы по животу пошло; нечего тутъ было и проглотнуть. Вотъ, таковъ-то ихъ Московской обычай, чтобы со всякаго сорвать; такъ куда уже имъ и спать долго? Да таки тутъ спать, а тутъ думать: какъ бы то и гдѣ бы то пожитья!

Такъ вотъ, какъ засвѣтили въ кабакъ, такъ и выслали *подтовкаку*, того, что подъ правый локоть толкаеть, не увидить ли кого на улицъ, да не заманить ли его въ кабакъ. Выбѣжалъ чертёнокъ да и оглядывается... поглядите-тка на него, на чтожъ онъ таки похожъ? чтобы ему голову подъ чубъ подстричь, какъ люди дѣлають, а то—махровый да мохнатый! Спереди волоса ему въ глаза лѣзутъ, уши закрываютъ, по затылку мотаются—только, знай, сердечный головой потряхиваетъ, чтобы космы эти не мотались! И сорочка на немъ, вмѣсто бѣлой, какъ законъ велить, либо красная, либо синяя, да еще и безъ воротника, а на застежкѣ—да на плечъ тутъ и застегнуть; такъ, что коли кто впереди москаля увидить, такъ и не угадаетъ, что это такое!

Ну, вотъ эдакой - то выскочилъ, да и сталъ у дверей—поглядѣлъ, поглядѣлъ—увидѣлъ, что стоитъ солдатъ на *каловуръ* съ ружьемъ, да и сталъ ему кричать: «*Служба! поди сюда! стань-ка этъ - то, вотъ здѣсь, чтобъ подъ часъ, коли будетъ драка, такъ не дай насъ въ обиду; а порція отъ насъ будетъ!*» Стоитъ солдатъ, не ворохнется; москалёнокъ крикнулъ и въ другой разъ, и въ третій—солдатъ

ни съ мѣста. Москалёнокъ и струсилъ, чтобы солдатъ не осерчалъ, да не надралъ бы ему еще вихорь; замолкъ, да проворный въ кабакъ, да и заперся на крючекъ. А Кузьма Трофимовичъ слышалъ это все—усмѣхнулся, моргнулъ усомъ, да и подумалъ про себя: поглядимъ, что-то дальше будетъ; не велика еще штука москаля одурачить!

Затѣмъ, высунулось и солнышко; тутъ засуетились и наши, что съ мукѳю наѣхали изъ Дергачей, изъ Олышаной, а были иныя анъ-да изъ Колѳмака! Да изъ какихъ мѣстъ, отцы мои, на ярмарокъ этотъ не навезли всякаго хлѣба! таки видимо—невидимо! коли такъ сказать, что подводъ съ двадцать тутъ было—такъ ей же Богу моему что больше! Туча тучей. Тутъ и рожь, и овесъ, и ячмень, и пшеница, и гречиха—все, все было. Пришло, знаете, время, сносить подушное, такъ всякому деньги нужны. Нашъ братъ не бородачъ, ждетъ поры да времени. Онъ, слава тебѣ Господи и оборони насъ, не *москаль*, чтобы ему, покинувъ жену, дѣтей и животинку, таскаться вездѣ и повсюду, да забиваться на край свѣта, за этою нищенскою копѣйкою, да кровавымъ потомъ ее зарабатывать! Да чего тутъ и толковать? коли Богъ уродилъ хлѣбца, да далъ его собрать, такъ жди поры, поколѣ придетъ нужда; да какъ десятигекіе потянуть тебя въ волостное за подушное, да земскіе сборы, да тутъ еще и хозяйкѣ льну надо, чтобы пристъ его на рубахи, да новый *огипокъ* нуженъ на голову, да дочерямъ надо *плахтъ*, либо *свить*, одѣться не вочто, и уже всякая напасть нападетъ,

что уже хоть роди да подай деньги—ну, тогда уже некуда дваться; вези, хоть версть за двадцать—да есть ли, нѣтъ ли цѣны, а ты, скорѣе, за что продай, за то продай, только бы долго не стоять, да и удирай домой, и рассчитывай себѣ, чтобы стало и сюда и туда; а коли удовольствовалъ всѣхъ—ну, тогда уже исправный казакъ; лежи себѣ на печи, въ просѣ, до новой нужды, тогда уже будемъ думать о томъ, гдѣ что взять.

Такъ вотъ такіе-то тамъ съѣхались, и ихъ уже и сонъ не бралъ. Солнышко взошло, они и повскакивали, чтобы, знаете, купца не прогулять. Вотъ, порядкомъ вставши, да помолвившись противъ церкви Богу, и послали одного изъ табора по воду — а ужъ было время и кашу варить. Поплелся Ефремъ, съ двумя баклагами, вонъ туда, подъ гору. Идетъ базаромъ — лупъ очами — стоитъ солдатъ. Ефремъ былъ себѣ паренёкъ *угливый*, снялъ шапку, поклонился, да и говорить: «день добрый, господа служивой!» А солдатъ молчать. Вотъ, Ефремъ и пошелъ себѣ своимъ путемъ, а Кузьма Трофимовичъ и усмѣхнулся, да и подумалъ: «одурачилъ и своихъ; что-то дальше будетъ!» Ну, набравши воды, да идучи назадъ къ табору, Ефремъ и думаетъ себѣ: «Вотъ же тутъ есть и постоя! а что, какъ спрошу я, не надоль имъ для коней овса, либо какой муки?» Да поравнявшись супротивъ того портрета и говорить: «Господа москаль! а скажите, коли милость ваша будетъ, вашему командирству, коли надо овса, либо какой муки, такъ пусть придутъ къ обозу, да

спросить Ефрема Сундоно; а у меня овесецъ важный, дешево отдамъ и мѣра людская: восемь съ верхомъ и трижды рукой по мѣркѣ ударить! пожалустажь не забудьте; а *могорыи* отъ насъ будетъ. А на починъ, нуте, понюхаемъ табаку!» Да зѣ словомъ, досталъ изъ-за галенища рожокъ, постучалъ имъ о коблукъ, и высыпалъ на ладонь; самъ понюхалъ, крикнулъ, поднесъ солдату, да еще и приговариваетъ: «табачокъ-этѣ ладный; терда женка Анна, старушка мать учила ее переминать, а дочери растирала, да въ рожки насыпали! пожалуйте!» солдатъ ни гу-гу; и усомъ не моргнуть. Бѣднякъ Ефремъ и взялъ себѣ на разумъ: «ну его—подумалъ про себя—чтобъ еще по рожѣ не ударилъ; вѣдь онъ на то солдатъ!» поднялъ боклаги свои, да не оглядаючись къ возамъ... А Кузьма Трофимовичъ слышалъ это все.... хи хи, хи хи, анъ-да подѣ бока держалъ да заливался!

Поколь-жь все это дѣлалось, стали собираться на базаръ и *бублейницы* и *паллянигицы*, и тѣ, что кружками ишено, да ложками масло продають. А за ними гуськомъ частили съ пирожками, съ варенымъ мясомъ, съ гусаками, съ гороховиками и со всякими лакомствами, чего только душа пожелаетъ на полуднованье. А старшою у нихъ была, вожакомъ, *Евдоха Колупайгига*; молодица ладная, не взялъ ее катъ, черновал, губатая, маленько курносая, да румяная словно макъ; да таки и разодѣта: *огинокъ* на головѣ, правда, уже вытертъ весь, однѣ нитки остались, а былъ, видно, когда-то парчевый; тулупъ бѣлыхъ смушекъ, подѣ крашениною и сур-

комъ оторочень; только, правда, уже весь въ дырахъ, и подъ рукавами, и на бокахъ, такъ, что все платье сквозится—да еще и не простое, а мѣщанское; она, вишь, взята была въ Липцы изъ самаго Харькова и роду не простаго, а мѣщанскаго; *шушунъ* на ней набойчатый, *исподница* коламянковая; только уже трудно было згадать, какого цвѣту, потому, что все это больно замазано было постнымъ масломъ; она вишь некла бублики и пыжки—а за этимъ дѣломъ, извѣстно, нельзя чистоплотно ухаживать; какъ разъ выначкаешься, какъ чортъ этотъ, что къ вѣдмѣ въ трубу лезитъ.

Вотъ, молодницы и кричатъ Евдохъ: «а ну, *пань-матко*, выбирай мѣсто на счастливую продажу; ты у насъ голова; гдѣ ты сидишь, тамъ и мы подлѣ тебя». Евдоха и взяла изъ чужаго короба *паллянишу*, сайку, стала, оборотившись на Восходъ, да и покатила ее противъ солнца. Катилась *палляница* эта, катилась, не запнулась ни гдѣ, а примехонько унала подлѣ солдатекаго портрета. «Ой, бѣда моя,» закричала Евдоха, поднявъ сайку, да сунувъ ее промежь свое добро, «скаже намъ подлѣ *москаля* садиться! Да онъ намъ тутъ такого грѣха надѣластъ, что не то что! тутъ ухватить, тамъ уцѣпнеть да тутъ—того и глади, что и коробовъ не соберешь!»—Выбирай же другое мѣсто—закричали молодницы—можетъ-статься и не такъ счастливое, да все таки лучше, чѣмъ дать *москалю* волю надъ товаромъ своимъ! —

Перевела Евдоха свой *цехъ* черезъ дорогу, поворожила опять другою, тожъ чужою, булкою, и по-

ложила ее въ свой кузовокъ; а гдѣ булка упала, тамъ сама съѣла съ товаромъ своимъ, а молодицъ разсажала, куда которой по очереди досталось; а чередъ вела самажъ Евдоха; которыя были по богаче, такъ по ближе къ себѣ, а бѣдную товаромъ, такъ на самый хвостъ, въ уголокъ, гдѣ и школьникъ, который на малыя деньги самый дешевый товаръ покупаетъ ее не найдетъ, — да за чередъ, каждый базаръ и лупить съ нихъ что сможетъ: о, то была козырь-баба! Ужъ одно то, что Харьковская родомъ; а щебетуха да и щибетуха! Взялась она надъ всеми торговками атамановать, и отъ десятскихъ, отъ головы, да и отъ самаго писаря оборонять да отставать; только чтобы все ее слушали, и что скажетъ, чтобы дѣлали, и что спросить съ нихъ, чтобы подавали. Да пусть бы кто ее и не послушалъ! такъ разомъ и *нашлетъ*: либо свинья бублики похватаетъ, либо собака масло вылакаетъ, либо пьяный подшатнется, да коробъ опрокинетъ, а ужъ даромъ не пройдетъ.

Только что молодницы наши чинно разсѣлись и каждая съ товаромъ своимъ управилась, какъ...*тю!* москаля нечистый и уродилъ съ грешневиками! Какъ напустятся они на него все: «Зачѣмъ ты тутъ сталъ? ступай себѣ, ну, въ другое мѣсто, не мѣшай православный товаръ продавать! а самъ поди, хоть къ чертямъ, опричь хлѣба святаго!» Вотъ, какъ подняли на него крикъ —, а ужъ извѣстно, молодницы наши, сколько ихъ ни будь, какъ забормочатъ все въ одинъ голосъ, такъ никакого и толку не дашь,

словно на *лоткахъ* вода шумить! А москалю и нужды мало, знай себѣ кричить: «грѣшники горячи!» Что тутъ на свѣтъ дѣлать? молодицы видятъ—плоха шутка; пристали къ Евдохѣ: «дѣлай что знаешь; да гадай, а москаля сбудь!»

Некуды Евдохѣ дѣваться, взяла — да все таки не изъ своѣй коробки—три вязанки *бубликовъ*, пошла къ писаному солдату, да и ей же Богу, правда! и поклонилась ему словно живому, да и просить: «Ваше благородіе, господа *салдатство*, будьте ласковы, сдѣлайте милость, сведите съ нашего мѣста, вотъ того шальнаго, католицкаго, бусурманскаго москаля, что сталъ подлѣ бублейницъ съ гречишниками своими!» Да за словомъ, смотреть—и не глядитъ на нее москаль—и стала ему совать бублики въ руку, да сама еще и приговариваетъ: «На-те, возьмите, ваше благородіе, пожалуйте, дома пригодится!» А солдатъ ни дохнетъ... какъ же вдругъ разглядѣла Евдоха наша, что это обманъ, что то не настоящій солдатъ, а только его полиціе, *парсуна*—застыдилась, покраснѣла словно ракъ, да скорѣе, безъ оглядки отъ него, да бублики въ свой коробокъ, да и сѣла. Сколько ни спрашивали ее молодицы, что ей тамъ сталося отъ москаля, такъ молчить да молчить себѣ, да и говорить: «сировадилажь я вамъ москаля, чегоже вамъ больше?» А онъ и вправду, какъ увидѣлъ, что Евдоха пошла на него просить, струсиль, да и пропалъ съ гречишниками своими. А Кузьма Трофимовичъ глядя на все проказы эти, насмѣялся себѣ въ тихомолку, да и говорить: «Вотъ такъ,

молчи знай! Уже къ намъ, словно къ живому, съ поклонами ходить, какъ къ Засѣдателью!

А тѣмъ часомъ собралось народу пропасть! таки куда глазомъ ни поведешь, все люди, все люди, какъ сарона въ полъ! и чего-то туда не навезли, да не нанесли! таки такая ярмарка, будто въ самомъ Харьковѣ, на Пречистой: всякій товаръ и чего бы ты не вздумалъ, все есть! грушъ-ли? такъ и возами груши, и въ мѣшкахъ груши, и кучами груши, приди, торгуй, сколько кому надо, да съ которой кучки хочешь и сколько тебѣ угодно бери и пробуй; никто тебѣ не закажетъ. А тамъ, вонъ, *Москва*, съ лангями, да съ лыками; были у нихъ и чашки, лоточки, писанья деревянныя тарелки; были и рѣшета, лотки, кадки, пересѣвки, лопаты, сѣялки; баптимаки, сапоги съ подковами, и Нѣмецкіе, только одними гвоздочками подбитые: тутъ и Суздальцы, съ картинками, да съ книжками завалыми; а рядомъ съ ними сидитъ *сластѣница*, что пыжки печетъ, съ печкою; только спроси, на сколько тебѣ тамъ надо *сластѣныхъ*, такъ она живо подыметъ пелену, да сыметъ старую онучу, что горшокъ съ тѣстомъ накрыть, чтобы, знаете, тѣсто на холодѣ не стыло, (за тѣмъ она и держитъ его у себя подъ пеленкою:) вотъ, пальцы послюнить маленько, чтобы не приставало тѣсто, да и ущипнетъ его, да на сковороду, въ масло, такъ и шинить!! а поджаривъ, тотчасъ и подаетъ; а ужъ масломъ постнымъ не скупитесь; такъ и течетъ по пальцамъ, только знай обсыпаетъ! Тутъ же, рядомъ, продавался и табакъ тер-

тый, шухальный и такой, въ попушахъ; а тамъ, желѣзный товаръ: подковы, гвозди, топоры, поддоски, *ухнали*—и все чего нужно. А тутъ уже пойдутъ лавки съ краснымъ товаромъ для господъ: стручковатый перецъ на ниткахъ, изюмъ, винныя ягоды, лукъ, всякія сливы, орѣхи, мыло, свѣчи, тарань-рыба, еще весною съ Дону привезенная, и провѣсная и соленая; икра, сельди, опойки, выростки, ножи, булавки, иголки, крючки, застѣжки, и для нашего брата свинина. Дѣготъ и въ *шеритеасахъ* и въ мазницахъ—да продавались тутъ и помазки. А рядкомъ, подлѣ, стояли *бублики*, *буханцы*, гороховики, гречаники, а въ лоткахъ разносили печенку на ломти порѣзанную; на сколько тебѣ надо, на столько и бери. А тамъ, пучками кануста, свекла, морковь огородныя—а домашней бабы наши не продаютъ, берегутъ про нужду, на нашу голову, ну ее!.... Тутъ же былъ и хрѣнь, и рѣпа и *гартохли*, которые-чай, скоро хлѣбъ святой со свѣту Божьяго сгонять. А тутъ изъ *Водолаги* горшки, изразцы, миски, крышки, кринки, кувшинчики. да яжъ говорю, нѣтъ того на свѣтѣ, чегобы не было на этой ярмаркѣ; и кабы только денегъ въ волю, такъ накупилъ бы всего, да и ѣлъ бы себѣ круглый годъ! А что еще ободѣвъ, колесъ, оглобель—*люшень*, а тамъ еще и *свиты*, простаго *Уразовскаго* и мыльнаго сукна; были и тулупы, всякіе поясы, шапки и казачьи треухи; былъ и дѣвичій товаръ: *стрижки*, *скиндяжки*, по нашему ленты, широкія, что голову повязываютъ и узенькія, что заплетаютъ въ косы; серьги, байковыя юбки, *плахты*, ншитые рукава и платки; *огипки* бабы, сер-

пьянка, *запаски*, *кораблики*, утиральники, шитые и съ городками; *щитки*, гребни, *дщища*, веретена, соль толченая, глина желтая, запанки оловянные, перстни, башмаки. . . . Ухъ, анъ-да уморился расчитыва- вая да рассказывая все это; чего-то тамъ не было!

А промежду такой пропасти товару, что тутъ на- роду было! и Боже сохрани! Еще чуть ли не боль- ше, чѣмъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе, на за- утренъ, какъ Христа *догитываются*: либо на Йор- данѣ: таки протолкнуться не лзя! Тотъ покупасть, тотъ божится, тотъ прицѣняется, тотъ спорить, этотъ товарищѣй скликаетъ, тотъ кричитъ бабу свою, эти ссорятся, тѣ бранятся, тѣ, покончивъ дѣло, идутъ *могорыга запивать*; бабы бормочать, всѣ разомъ въ одинъ голосъ говорятъ, а ни одна не слушаетъ; нищіе поютъ Лазаря, кобылы ржутъ, колеса скрипятъ; тотъ кричитъ съ телѣги: *по гли- ну, по глину!* А на встрѣчу ему распѣваетъ: *по гор- шки, по горшки!* Дѣти, растерявъ матерей, режутъ; тамъ завываетъ собака — тутъ *придушили* поросен- ка, визжитъ на весь базаръ, а свинья, хрюкаяючи, пробирается промежъ народомъ; тамъ торговки хва- таютъ за полы ребятъ, да школьниковъ: «поди сю- да, дядюшка; возьми у меня, барченокъ; вотъ буб- лики горяченькіе съ мачкомъ; вотъ сайка легонь- кая, только-что изъ печи. . . .» та, та, та, та,—да и не разберешь ихъ тамъ что и о чемъ они тол- куютъ; вездѣ и всюду шумятъ, стучать, кричать, точнехонько какъ въ мѣльницѣ, коли на всѣ поста- вы и мѣлетъ и толчетъ!

А тамъ, слышь, скрипка съ цымбалами: *Матвѣй Шпонь* распродалъ соль, расчелся, чистыя денежки взялъ, нанялъ *тройсту*, трехъ музыкантовъ, да и возится съ ними по базару! Уже и шапки на немъ какъ не бывало; гдѣ-то кинулъ ее въ кого-то, да самъ и удралъ. Идетъ и поетъ; а гдѣ лужа, тамъ и ударить трепака. Забрызгался, вымарался — эге! да не мѣшай ему, онъ *гуляетъ*! Въ одной рукѣ сткляница, въ другой чарка; кого ни встрѣтитъ: «Пей, батькинъ сынъ, дядюшка любезный! пей; *Матвѣй Шпонь* гуляетъ; пей въ его голову, чтобъ ты подавился! Будь здоровъ на многія лѣта!» Самъ выпьетъ, и того потчуетъ; колижь этотъ не захочетъ, то такъ водку и выплеснетъ на земь, а его ругаетъ, ругаетъ — да и пойдетъ потчивать другаго! Вотъ не совсѣмъ еще и допилъ флягу, тряхъ ее, обь землю, да и кричитъ: «Шинкаръ! подавай *Шпону* снова! музыка, играй!» да и пошолъ дальше. Идетъ, да и увидѣлъ дегтярей: ухъ, туда, въ *шеритвасъ*, въ дѣготъ, влѣзъ весь, съ сапогами, совсѣмъ, да и кричитъ: «дегтярь! не бось ничево; *Шпонь* деньгами отвѣчаетъ!» да и выкинетъ ему изъ кошеля полную горсть, а самъ и кричитъ: «не обидно? не мѣшай же! музыка, играй!» а самъ и пошелъ плескаться да полоскаться въ дегтю, какъ мальчишка въ лужѣ. Что это, коли человекъ въ счастья, да въ радости? Чего-то онъ не выдумаетъ? Ничего не жалѣетъ и ни обь чемъ не тужить!

А тамъ, слышь, медвѣдь реветъ да пляшетъ, а цыганъ кричитъ: *А ну, Гаерылку, якъ старьи ба-*

бы пьяни салютися... Цыганка ворожить, да приговариваетъ: «И счастливый и уродливый: черновал молодича по тебѣ горюетъ, положижь нятаскѣ на рученьку, всю правду скажу...» Цыганенки выплывають *халляндру*, да кричать не своимъ голосомъ, будто съ нихъ чортъ лыка деретъ.... А старый Цыганъ тудаже, съ клячею своею: знай божится, женою и дѣтьми, да проклинаетъ душу свою и отца и мать — а все за тѣмъ, чтобы старую, слѣпую, сапатую, хромую кобылу, продать на мѣсто молодой, здоровой! Да какъ обступитъ нашего брата Цыганское навожденіе, такъ уже не знаешь какъ быть и что дѣлать! Какъ подпустить тебѣ *тумана*, такъ и самъ видишь, что кляченка трехъ денежскъ не стоитъ, да только глядишь, да глазами хлопаешь и не знаешь куда туть, отъ нихъ и дѣваться. Тотъ божится, другой заклинается, тотъ суетъ тебѣ въ руку обороть съ клячею, третій тянетъ изъ кармана платокъ, гдѣ кошелекъ съ деньгами, а тотъ уже и сдачи тебѣ дастъ; да всѣ гурьбою, и тащутъ тебя на выставку, запивать *могорыщи*. Ну такъ, что джъ говорю, поколѣ спохватишься, глядишь, хотѣлъ свое ледящее продать — а проклятые цыганы всучили тебѣ въ руки такую погань, что и щенки не стоятъ; да такую цѣну взяли, что можно, ину пору, вола купить, да за мои-жъ деньги и вино покупали и пили; а тамъ вмѣсто *спасиба*, мнѣ же въ глаза и насмѣялись. — «Кляча твоя де-скатъ маленько плоха глазами; такъ купи-тка ей очки, да и посади на глаза, знаешь какъ баричи молодые въ городѣ носятъ, такъ она можетъ стать, еще потянетъ...»

Такъ вотъ такіе-то тамъ были проказы, что все-то и рассказать нельзя. И кто бы не шелъ подлѣ солдатскаго портрета, всякій, снявши шапку, скажетъ, либо: «добрыдень», либо «здравствуйте господа служба!» А служба ни гу-гу. Стоитъ себѣ чинехонько и пальцемъ не кивнетъ, и глазами не поведетъ и усомъ не моргнетъ. Таки никто, никто не угадалъ, что это солдатъ написанный. А Кузьма Трофимовичъ, сидя въ балаганѣ своемъ, видѣлъ все это, да и думаетъ: «ладно, коли такъ; посмотримъ что-то впередъ будетъ!»

Тутъ вдругъ, отколѣ ни взялся, солдатъ, да настоящій, живой солдатъ, вотъ какъ мы съ вами. Ходить онъ по базару да поглядываетъ, и уже одинъ утиральничекъ у *молодицы* стянулъ и въ карманъ запряталъ; стащилъ у Чугуевской торговки бумажный платокъ, такой, что гривенъ шесть стоитъ; отрѣзалъ съ возу плетенку луку, да тутъ же за полѣцѣны и продалъ; да все это такъ хитро и мудро что никто и не спохватился. Наконецъ приходитъ туда, гдѣ продають груши; видитъ: у возовъ остались одни ребятишки, да и тѣ рты разинули на медвѣдей. Онъ таки и положилъ руку на мѣшокъ — никто не видитъ; потянулъ его къ себѣ — никто не видитъ; положилъ его чинно на плечо — никто не видитъ; да не оглядаючись и махнулъ куда ему тамъ надо было. Тутъ хозяева наши спохватились; глядь, *москаль* взялъ безъ спросу полнехонькій мѣшокъ грушъ, да и претъ его словно свое добро; крикнули всѣ разомъ на него, да и побѣжали за нимъ въ погоню.

Не хитерь же и москаль; чтобъ ему бѣжать безъ оглядки? а онъ, идетъ себѣ шажкомъ, мѣшокъ съ грушами несетъ, да еще и пѣсенки про себя распѣваетъ! Тутъ его хватъ за мѣшокъ: «на что ты, такой-сякой, груши взялъ?» пристали всѣ къ нему въ одинъ голосъ. Стоить сердечный, выкатилъ глаза на лобъ, какъ баранъ, поглядить на нихъ да и говорить: «нѣшто это ваши груши-тъ?»—«Да не чьижь, какъ не наши!»—А онъ, какъ закричитъ на нихъ: «Ахъ вы хохлы безмозглые!» А тотчасъ и браниться; нѣтъ, что бы сперва разспросить, да тогдабъ уже и бранился сколько хотѣлъ — «а зачѣмъ вы» говорить, «мнѣ тогда не сказали, какъ я съ воза мѣшокъ взялъ?» да и привязался къ нимъ: «Вы, говорите, зѣваете по сторонамъ, а я вотъ несъ, несъ, да вотъ какъ уморился, да амуницію потеръ; вотъ вишь, и мундиръ запачкалъ; давай сюда деньги на вычитку!» Наши кинулись было сюда, туда—такъ гдѣ! и приступу нѣтъ! да еще и ругается; а тамъ, поймалъ одного за воротъ, да и тянетъ, а самъ кричитъ свое: «давай на вычитку, да за проходку; я казенный мундиръ потеръ и сапоги потопталъ, давай, да и только!» наши ни открестятся, ни отмолятся; «ну, тебя, говорить, дядюшка, сдѣлай милость, господа служба, возьми себѣ груши и мѣшокъ, только отвяжись!» Такъ куда, такъ репьемъ и вяжется, да и говорить: «мнѣ, говорить, чужаго не нада; не хочу я вашихъ грушъ, а мнѣ подай мое!» Что тутъ на свѣтъ дѣлать! Таки еще подумали было, чтобъ такъ да сакъ вывернуться, хотѣли итти въ волостное правленіе, такъ москаль не

то поетъ: «Вотъ моя команда» говорить, да и показываетъ на писаного солдата, «пойдемъ къ нему!» Наши видятъ, плоха шутка; страшно, кинули ему пятнадцатинный — такъ нѣтъ; «веди,» говорить, «на выставку, да поставь еще за проходку кварту вина!» Нечего дѣлать; поставили, толькобъ отвазася, да не тащиль къ солдату, что стоитъ съ ружьемъ; когдажъ послѣ послышали, да разглядѣли, да узнали что это солдатъ писанный, а не живой, такъ анъ — да обѣ-полы руками ударили, да *фитъ, фитъ* — посвистали, да и разошлись по возамъ.

А Кузьма Трофимовичъ, подѣ рядомъ своимъ сидя, смѣялся, смѣялся, такъ, что по землѣ валяется; да и говорить: «охъ!» да и съѣлъ опять, сложивъ руки, смотрѣть, что еще будутъ за проказы.

А тѣмъ часомъ уже стало не рано. Вотъ и дѣвки собрались итти по ярмаркѣ, а все, вишь, поджидали, что бы по меньше народу стало: а то, въ толпѣ, въ тѣснотѣ, думали, что и не такъ ихъ видно будетъ. Вотъ и потянулася низка ихъ, да все на подборъ; одна одной лучше, одна одной чернобровѣй! Разодѣлись, такъ что Господи! Солнышко, среди дня, пригрѣло, такъ оно и тепленько стало; вотъ они и выскочили безъ *свитокъ*, въ одиѣхъ байковыхъ, алыхъ юпкахъ, словно макъ цвѣтеть! ленты на головахъ по Харьковски повязаны, косы въ плетушки заплетены и желтыми *гвоздиками* да *барвинкомъ* разубраны; у сорочекъ и рукава и *пидтежки* шитые, да городками разукрашены; на шеяхъ *намы*

ста, провизей нитокъ съ десять у каждой, коли не больше, только голову гнеть; золотые *дукаты*, да ссеребряные кресты такъ и горятъ; плахты *картацкїя*, *запаски* шелковыя и *колесчатыя*, пояса коламянковые: да все одна въ одну, въ красныхъ башмачкахъ, да въ синихъ либо въ бѣлыхъ чулочкахъ. А за дѣломъ же они и вышли? А какже? За позѣвками, за поглядками, да не побалуютъ ли съ ними молодые ребята. Ужъ извѣстна дѣвичья натура, хоть въ барствѣ, хоть въ мужицствѣ!

Вотъ онѣ и пошли по ярмаркѣ, и то и сѣ выдумываютъ, и хохочутъ себѣ... какъ одна, вдругъ, глядь! да и говоритъ тишкомъ: «дѣвки! смотрите, у насъ постой, солдаты!» — Врешь, гдѣ ты ихъ увидѣла? — стали тѣ допрашивать, да сами оглядываются. «Да вонъ, вонъ около дегтярной лавки, стоитъ съ ружьемъ *калавурный*!» — Такъ и есть! — закричали тѣ въ голосъ, да начали щебетать, да смѣяться, да переходить съ мѣста на мѣсто, да одна одну толкаетъ, будто спотыкаются, а сами знай оглядываются, да какъ павочки выгибаются, да охорашиваются, чтобъ солдатъ глянулъ на нихъ, да затронулъ бы которую нибудь — вотъ этобъ имъ и на руку; тутъ бы и стали они спрашивать его, проходомъ ли тутъ, или постоемъ? вотъ тутъ-бы и сказали ему, что-бы съ товарищами приходилъ къ нимъ на вечерницы; онѣ, вишь, давно уже ничего путнаго не видали, а свои ребята надоѣли имъ давно и опостыли.

Вотъ и вызвалась изъ нихъ одна, *Домаха*, да и говорить: «постойте-тка, пройду я подлѣ него; да

уже не я буду, коли онъ меня не затронетъ! Да глядите-жь, не зѣвайте, а откликайтесь мнѣ, коли такъ придется!» Вотъ и пошла; будто и не она, то, туда, то сюда оглянется, то пѣсенку себѣ затынетъ, то платочкомъ помахиваетъ, то нагнется подвязку подвязывать.... вотъ уже и къ солдату подходитъ, да будто съ кѣмъ разговариваетъ: «гдѣ-то тутъ шпалеры да *шумиха* продается, кабы мнѣ кто сказалъ!» Да и запоетъ себѣ опять тишкомъ.... О, что это за дѣвка была! Чтوبъ ей не знать, отколѣ къ кому подойти, и какъ кого и разуть и обуть? Все знала! и проворна и шутлива была, да и свѣту повидала: два года въ Харьковѣ въ *мойкахъ* служила, гдѣ шерсть промываютъ, такъ уже ее не учить стать!

Какъ увидали подруги, что она уже близко солдата, а онъ ее и не затрогиваетъ — можетъ не видѣть еще — да и стали кричать на нее: «а куда ты Домаха, пошла?» а она стоитъ подлѣ солдата, да во, весь голосъ откликается: «Вотъ куплю *шумихи* на цвѣтки, коли какой чортъ не перейметъ!» а солдатъ нашъ стоитъ — не затрогиваетъ ее, и не глядитъ. «Что за нелегкая! думаетъ Домаха, таки вплоть подлѣ него прошла, а онъ и не думаетъ затронуть! развѣ не смѣетъ, что-ли? да ворочусь еще!» — Вотъ и воротилась, да вплоть подлѣ него идетъ, и обронила платокъ, будто, вишь, потеряла, думаячи, что солдатъ закричитъ на нее, чтобъ воротилась, да подняла; вотъ она бы съ нимъ и заговорила, и пошутила, а тамъ бы и поладили. Не промахъ - дѣвка была и Домаха! такъ что же? платокъ лежитъ, а солдатъ и

*

волосомъ не ворохнеть! Стала Домаха наша, да и оглядывается, да и кричитъ: «охъ, я бѣдокурная! платокъ обронила! колибъ кто поднялъ его, да отдалъ мнѣ!»

Оглядывается, сердечная, да поглядываетъ изподлобья — да ба! стойтъ солдатъ и на платокъ не глядитъ! нечего дѣлать Домахъ; надо воротиться! Вотъ и крадется и выжидаетъ, да и говоритъ: «Вотъ бѣда! лежитъ платочекъ мой подлѣ самаго солдата — какъ тутъ быть? — Я боюсь, чтобъ онъ не поймалъ меня, либо изъ ружья не застрѣлилъ!» подошла — и нагинается и не нагинается, и беретъ и не беретъ — а все, вишь, поджидаетъ солдата — такъ чтоже? не изъ того, знать, наскочила; нагнулась и протянула руку, словно не тѣвши, а сама все глядитъ на него; да какъ разглядѣла, какъ захохочетъ на всю улицу! а дѣвки и обозвались: «а что онъ тамъ тебѣ говорить? Домаха! сказывай, что-ли, что онъ говорить?» — Не до разговору тутъ, кричитъ Домаха, да во всѣ ноги назадъ, да за смѣхомъ и слова не вымолвить.

«Что, что такое, что онъ говорить?» Стали дѣвки, обступивъ Домаху, спрашивать. «Эге, что говорить» — отвѣчаетъ Домаха, «да это-жь не живой солдатъ, это писаный!» — «Ю!» закричали дѣвки, да и побѣжали разглядывать: и то писаный! хохотали, смѣялись, выдумывали тутъ всякую всячину, да и пошли себѣ по ярмаркѣ. А послышавъ это, уже и много кое-кто стали подходить смѣло, безъ страху;

посмотрять, поглядять, да и скажутъ: «Такъ и есть что писанный!» Да и пойдутъ себѣ.

Натѣшившись и насмѣявшись со всего этого, Кузьма Трофимовичъ и подумалъ: пора уже и сымать солдата, да укладывать его, да собираться въ путь; какъ вдругъ послышалъ крикъ, шумъ, топотъ, ревъ, пѣсни, *сопѣлку*. . . . да и присѣлъ проворнѣй подъ рядно свое.

То подходило *парубоцтво*, холостежъ; сапожники, портные, кузнецы, гончары и разныхъ званій и ремеслъ молодежь удалые, наемные у хозяевъ работники, *батьковы дѣти*, собравшіеся на ярмарку погулять. Кто съ утра еще, продавъ свой товаръ, либо купивши что кому надо было, да запивши *могорыги*, подѣрились порядочно, и приодѣлись—кто въ новую свиту, кто въ китайчатую *юбку*, кто въ отцевскій—хоть и старѣй—да *жупанъ*; подпоясались хорошенько, кто каламянковымъ, а кто и шерстянымъ кушакомъ: въ *тлѣжиновыхъ* шараварахъ, надѣли на подбритыя головы казачьи шапки изъ Рѣшетилловскихъ смунекъ, съ алыми, зелеными, либо синими верхами; въ смазныхъ, юфтовыхъ сапогахъ, съ подборрами, а кто и въ конѣвѣихъ, да такъ вымазанныхъ, что дѣготъ съ нихъ такъ и течетъ; а подковы, чуть ли не въ четверть; да закрутивши усы, идутъ себѣ *лавою*, съ боку на бокъ переваливаются, руками машутъ, трубки тянутъ, да во всю глотку, анъ-да жмурятся, да корчатся, орутъ *Московскія* пѣсни: *пры да лынуisci стояла*. И гдѣ идутъ

то такъ передъ ними народъ и разступается; и уже не попадайся имъ на дорогъ никто; хотъ торговка съ коробами, хотъ москаль съ квасомъ, хотъ слѣпцы, нищіе съ вожатымъ, хотъ старуха, хотъ молодца имъ на встрѣчу, не разбирають никого; такъ на всякаго прямо лавою и напираютъ, и прутъ и мнутъ и съ ногъ валяютъ; а сами—и нужды мало; будто и не видятъ никого и ничего, будто это и не они!

Вотъ, увидавъ дѣвокъ, повалили слѣдомъ за ними, чтобы такъ на нихъ и налетѣть стѣною; а какъ только тѣ разбѣгутся, такъ тутъ и ловить ихъ, и *пожартовать*, и побаловаться, да пошалить. Известно уже, дѣло холостое! А чтобы кто посмѣлъ ихъ унять? Какъ бы не такъ! Они всей гурьбою, не разъ уже и самого Писаря, бывало, такъ употчуютъ да угомонятъ, что тотъ насилу встряхнется послѣ, да прочхается! А десятскіе, такъ отъ нихъ просто прячутся подъ тынь, да въ *бурьяны*, такъ уже тутъ нечего толковать! Всякъ, махнувъ рукой, говоритъ: пусть нагуляются ребята; больше чѣмъ на полтину грѣха да бѣды отъ нихъ не будетъ!

Вотъ и идутъ; и какъ накинули глазомъ дѣвокъ, такъ и пошли мимо писанаго солдата, за ними слѣдомъ. А вожакъ-атаманъ ихъ, чеботарь Терѣшка, снялъ шередъ нимъ, передъ солдатомъ тѣмъ, шапку, да и говоритъ: «здравствуйте господа служба!» Тутъ какъ захохочетъ народъ, и торговки, и прасолы, и тѣ что съ возами приѣхали, всѣ въ голосъ

такъ и заливаются; да и ну кричать на него: «Чуръ дурня! Да развѣ это живой! Это писаный солдатъ! Нешто бѣльмы-те повылѣзли у тебя, что-ли? Вотъ-то оглашенный не разберетъ!» Прикусилъ же нашъ Терѣшка языкъ, какъ и самъ разглядѣлъ, что это и вправду писаный солдатъ, и что весь базаръ на него зубы скалитъ! «Теперь — думаетъ сердечный, мнѣ и проходу не будетъ; будутъ зубоскальничать, да горло драть, да на смѣхъ подымать и Богъ знаетъ чего еще не придумаютъ! бѣда да и только; что тутъ станешь дѣлать!» Стоить, носъ повѣсивъ да и думаетъ. Да вдругъ и спохватился, захохоталъ и самъ, да и говорить: «А будто я и не вижу, что это солдатъ малеваный! — да я поклонился ему за тѣмъ, чтобы одурачить маляра; нешто такъ-то и малюютъ? чтобъ его нелегкая малевала! Да это и слѣпой разглядить, что это не живой человѣкъ, а писаный! нешто тутъ были дурни такіе, что считали его живымъ? Не знаю! *тыфу*, чортъ знаетъ что намазано! глядите, люди добрые, развѣ эдакъ шьется сапогъ? Я чеботарь первый на селѣ; такъ я уже знаю, что голенищу вотъ какъ надо быть» да самъ и сталь ногтемъ по картинѣ царапать «вотъ, и въ подборахъ вранье; да и подъемъ не такой; да таки и все не такъ. Ну, его, братцы, пойдемъ дальше; намазалъ тамъ какой-то дурень!» Вотъ и пошли себѣ своею дорогою, и Терѣшка радъ себѣ радѣшенекъ, что свалилъ бѣду эту съ плечъ.

Да и закрутилъ же носомъ нашъ Кузьма Трофимовичъ, будто тертаго хрѣну понюхалъ! Больно ему

досадно стало, что вся ярмарка, и сколько тутъ ни было народу, таки можетъ-статься душъ съ пятьдесятъ, коли еще не больше, да всѣ таки до одинаго, всѣ не узнали, что солдатъ этотъ писанный, думали что живой; а тутъ, чортъ его знаетъ отколѣ взялся чеботарь, да и распушилъ работу его на пропалую! «Это уже, говорить самъ себѣ Трофимовичъ, курамъ смѣхъ будетъ! Я таки, правда, о сапогахъ не болѣно и заботился; можетъ статься оно тамъ чтонибудь и не такъ; я только и старался, чтобъ у него лице и самъ онъ весь, и мундиръ и ружье, чтобы такъ были, какъ у живаго, а до сапоговъ мнѣ было и нужды мало: не думалъ, чтобы кто сталъ зорко болѣно приглядываться, туда, куда и не всякій смотреть. Пусть же такъ будетъ, какъ чеботарь сказалъ: перемалую, чтобы и его удовольствовать и чтобы фальши никакой не было въ моей работѣ».

И выльзъ онъ изъ - подъ шатра своего, досталъ палитру съ красками и кисть, подмалевалъ, какъ тамъ сапожникъ нацарапалъ, да опять и ползъ назадъ, и говорить: «Погожу еще маленько, покуда краска подсохнетъ; а тамъ и соберусь домой. Теперь и чеботарь не скажетъ, что не такъ сапогъ намалевалъ!»

Анъ, глядь! Терѣшка съ ребятами, не догнавши дѣвокъ, воротились, чтобъ перенять ихъ впоперегъ, да и идутъ опять подлѣ портрета. Вотъ, одинъ парень, глянувши на него и говорить: «гляди-тка Терѣшка, маляръ тебя послушалъ; вишь, перемалевалъ

сапогъ, по твоему! «Эге,» сказалъ Терёшка, передвинувъ шапку на самое темя, да подбоченясь «а ещё бы онъ меня не послушалъ! Я всю силу знаю, и какъ разъ вижу, гдѣ чего не хватаетъ!» А какъ ему, Терёшкѣ, все еще было досадно, и на малюра, и на картину эту, изъ-за которой люди подняли было его на смѣхъ, такъ онъ себѣ и подумалъ: «дай, еще таки разругаю да обракую, чтобъ малюра вовсе съ толку сбить, и чтобы народъ думалъ, будто Терёшка великую силу въ малярствѣ знаетъ;» самъ, постоявши, да посвиставши и говорить: «Вотъ, и опять таки не утерплю, скажу, за тѣмъ что вижу самъ, что не такъ! Сапоги теперь таки похожи на сапоги, какъ я научилъ, такъ мундиръ не туда глядитъ; надо чтобъ рукава вотъ такъ,....»

«А зась не знаешь?» обозвался Кузьма Трофимовичъ подъ рядомъ своимъ: *«геботарь! знай свое кривое голенище, а въ закройщики не суйся!»*

Какъ залился хохотомъ весь базарь, слушая проказы эти, и что Кузьма Трофимовичъ такъ отбрилъ Терёшку чеботаря! Какъ подняли его на зубы! Смѣялись надъ нимъ, смѣялись, да такъ же, ей Богу, что не то что, что анъ-да за рѣчку слышно было!

А Терёшка остался какъ облизанный, — да какъ кивнется, безъ оглядки, куда глаза глядятъ, да и забѣжалъ Богъ знаетъ куда! А Кузьма Трофимовичъ въ тихомолку себѣ посмѣялся, собрался съ пор-

третомъ своимъ и со всѣмъ приборомъ, приѣхалъ къ барину своему, да по уговору денежки и *горь-ложку* съ него сбрилъ, да и правъ.

Ярмарка разошлась; только уже Терёшкѣ нашему полно молодцевать, да горло драть; не далось ему впередъ молодчество это, хоть на улицахъ тамъ, либо на вечерницахъ, или хоть бы и въ шинкѣ; только что замасничаютъ, а тутъ его кто нибудь и отбръетъ: *знай, чеботарь, свое кривое голенище, а въ закройщики не суйся!* То онъ себѣ такъ языкъ и прикусить и уже ни гу, гу!

Вотъ и вся.

Съ Украинскаго: *В. Луганскій.*

